

Памяти Иоанна Павла II

В этом году православный и католический пасхальные календари расходятся, вероятно, самым значительным образом — на четыре недели. Иоанн Павел II скончался в канун первого воскресения по Пасхе — воскресения, посвященного в Римской Церкви Милосердию. По его почину этот день и был посвящен Милосердию. Милосердие Божие и призыв к человеческому взаимному прощению были главной темой всемирной проповеди Иоанна Павла II.

У нас же день его кончины был кануном Крестопоклонной Недели. В ту субботу евангельским чтением были стихи из последней главы от Иоанна, троекратное вопрошание апостола Петра о любви:

«Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих» (Ин. 21, 17).

Предстояние Кресту Христову было сердцевинной духовной, молитвенной жизни Папы; с памяти о вопрошаниях Петра он, по его собственным словам, начинал каждое утро своего долгого понтификата. Слушая в московском храме эти слова, звучавшие из алтаря (и последующие — о беспомощной старости: «и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь»), я подумала: «Вот и мы прощаемся с ним. Вот и нас посещает его память — если самому ему так и не довелось посетить Россию. Если никто не почтит здесь его память как должно. Есть вещи посильнее мнений и политических расчетов. «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?»».

Оба измерения этой даты слишком значительны, чтобы их не заметить. Сам Иоанн Павел II с его удивлявшей многих верой (пишущие о нем называли ее «старинной», «народной», «польской») был внимателен к таким знакам. Он умер, успев дать последнее пасхальное благословение своему народу — и в каком-то смысле присоединившись к поклонению Кресту Господню в его любимой русской земле.

Он в самом деле любил — его словами — «красоту русской души», которую находил в русском искусстве, литературе, мысли. Он проникновенно описывал глубину и красоту православной традиции в своих энцикликах. При нашей первой встрече (а их было четыре, каждый год с 1995-го по 1998-й) он сказал: «Я каждый день молюсь о России». Его молебным образом была Казанская русская икона (икона, присланная ему после покаяния из Фатимского монастыря и, по его словам, спасшая ему жизнь) — принесенная им в дар Русской

православной церкви в минувшем году. Чудесная возможность первой встречи после тысячелетнего разрыва нами упущена. Хотя — желанна ли была здесь такая встреча? Боюсь, что мы еще не привыкли думать о себе как о части мира, о части человечества. В таком случае изоляция и духовный железный занавес представляются предпочтительнее. Спасение на отдельно взятой территории... Стоит ли говорить, что такая надежда не только вопиюще некрасива, но и непрактична?

Долгий понтификат Иоанна Павла II еще будет осмысляться и оцениваться. Его едва ли не слишком блистательное, «звездное» начало — и последнее десятилетие, когда весь мир видел физическое мучение и угасание некогда «самого спортивного», «самого подвижного и открытого» из римских понтификов. Эти последние годы Папы, его страдальческое свидетельство верности призванию, для многих стали самой волнующей проповедью среди цивилизации, которая, как огня, боится старости, болезни, смерти. Боится страдания и бережется от сострадания. Цивилизации успеха, здоровья, бесконечно продлеваемой молодости, которая, словами нашего великого подвижника митрополита Сурожского Антония, «идет спиной к смерти и старости». «Откройте двери Христу! Не бойтесь!» — этими словами начал свое папское служение Иоанн Павел II, полный сил, надежд, идей, которые могли бы помочь зашедшей в «тупик прямого продолжения» истории. Старый и больной Иоанн Павел II показывал, что значит — держать эти двери открытыми и не бояться.

Пишущие о нем обыкновенно взвешивают его действия и инициативы на весах «консерватизма» и «прогрессивности». В этом, дескать (в отношении традиционной семьи, контроля над рождаемостью, женского священства, celibата священников), он был консервативен, а в этом (в признании прав человека, в своей социальной мысли, в том, что персональное было для него выше сословного, национального и т.п.) — прогрессивен. Крайние прогрессисты находили его слишком консервативным, крайние консерваторы — слишком либеральным. Как если бы две эти характеристики — прогрессивный, консервативный — составляли последний суд о человеке, действующем в мире. Глубокие мотивы всех решений Иоанна Павла II — радикально христианские — мир не был склонен принимать всерьез. Трудно поверить, что политическое лицо, стоящее на вершине огромной иерархии, может руководствоваться «неполитическими» интересами. Что такое политика в общепринятом и уже не обсуждаемом смысле? Это баланс сил, баланс интересов,

«социальный контракт» в лучшем случае, а в худшем — превентивное удерживание одного насилия угрозой другого. Но политика, «общее жительство» — не только в христианском, но и в античном, то есть изначальном, смысле, у Аристотеля, — имеет в виду совершенно другое: устройство общей жизни на основании взаимной «филии» (греческое слово, которое на русский переводят и как «дружба», и как «любовь»): того самого отношения, о котором Христос и спрашивал Петра. Не обладая бодростью Иоанна Павла II, я не надеюсь, что это изначальное значение «политического» будет вспомнено и ляжет в основу общей практики. Боюсь, мы надолго обречены на выбор между «худым миром» и «хорошей войной», на пресловутый «баланс интересов» (естественно, эгоистических и враждующих). Возможно, до тех пор, пока со всей ясностью не будет показано, что хотя бы один общий интерес у нас есть — интерес выжить на земле. Чтобы верить в существование других общих интересов, не менее насущных, требуется уже другая антропология, чем та, на которой машинально основывается наша цивилизация.

Антропология Иоанна Павла II была чрезвычайно возвышенной. Человеческое существо представлялось ему достойным почтения и любви. В одном из его стихотворений Сын говорит Отцу: Я оставил Твой взор, полный беспредельного сияния, Ради взора людей, в котором свечение пшеницы.

Самым полным образом замысел о человеке осуществляется в его творчестве — и особенно в творчестве красоты. Этому посвящено «Письмо художникам мира», написанное Иоанном Павлом II в 2000 году.

Но что это, как не классический гуманизм? — спросит человек, знакомый с богословскими азами. Разве не известно, что между гуманизмом и богословским образом человека — пропасть? Что гуманисты забыли главное, а именно — глубинную испорченность человека, первородный грех? Что мы живем в падшем мире и это составляет фундаментальную ситуацию человека, *conditio humana*? Какие уж в падшем мире свобода, творчество, радость? Послушность, самопринуждение, плач о собственной мерзости — вот уместные формы здешнего благочестия.

Да, удивительным образом антигуманистическое христианство (вообще говоря, христианская

мизантропия, часто весьма ядовитая) стало привычным и не обсуждаемым — в той же мере, что макиавелиевская «политика». По этому презрению к «человеческому» часто и узнают «истинно благочестивых» людей. Странный и привычный скандал. Можно быть уверенными, что Иоанн Павел II никак не забывал о «падшем мире» и о грехах человеческих, — он, переживший и нацистскую оккупацию Польши, и атеистический режим, он, в каждой стране посещавший в первую очередь места величайших бедствий, памятники тысяч людей, убитых тысячами других людей (и в России он хотел посетить такое место, остров Соловки). И, тем не менее, он утверждал, что не с падения все начиналось — и не падением кончается. «В каждом человеке есть место для скинии Божией» — его слова. Дело же пастыря — приготовить это место, напомнить, что слову Господа о творении: «Хорошо весьма!» может ответить человеческое слово: «Хорошо нам с Тобой!» — и что наш разуверившийся в себе современник ничем не хуже тех, кто смог это слово сказать.

Ольга Седакова